

УДК 331.52, 331.55, 331.56

Неформальная занятость в периоды кризиса: анализ потоков рабочей силы на российском рынке труда¹

Зудина А.А.

В настоящей работе на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ впервые рассматриваются потоки рабочей силы, направленные в/из состояния неформальной занятости в 2007–2023 гг., позволяющие уточнить реакцию российской неформальной занятости на резкое ухудшение макроэкономической ситуации различного типа – мировой финансовый кризис 2008–2010 гг., введение санкций в 2014–2015 гг. и 2022–2023 гг., а также пандемию COVID-19 в 2020–2021 гг. Полученные результаты свидетельствуют о том, что неформальные работники теряют работу во время экономических кризисов чаще, чем формальные, однако неформальность может выступать и важным механизмом подстройки российского рынка труда. Так, первый санкционный шок 2014–2015 гг. и пандемия COVID-19 не привели к увеличению показателей ухода неформальных работников с рынка труда, в отличие от аналогичных показателей для формальных работников, а показатели неформального найма после безработицы или нахождения вне состава рабочей силы сократились в 2020 г. в гораздо меньшей степени, чем соответствующие потоки, направленные в формальную занятость. При этом второй санкционный шок 2022–2023 гг. сопровождался сокращением показателей потери работы вне зависимости от типа предшествующей занятости, увеличением вероятности трудоустройства на формальных рабочих местах после безработицы и сокращением показателей трудоустройства на неформальной основе, что, по всей видимости, отражает

---

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает признательность за ценные замечания и комментарии Р.И. Капелюшникову и А.Л. Лукьяновой, а также всем участникам сессии «Занятость и безработица» XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (5 апреля 2023 г.), сессии «Labor Market» Шестой Международной конференции пользователей данными «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) (26 мая 2023 г.) и онлайн-семинара Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ «Российский рынок труда в условиях санкционного давления» (24 октября 2023 г.).

Зудина Анна Алексеевна – к.соц.н., научный сотрудник, Центр трудовых исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: azudina@hse.ru

Статья поступила: 10.10.2024/Статья принята: 07.11.2024.

возросшую конкуренцию за работников со стороны корпоративного сектора. Вместе с тем реакция потоков рабочей силы в период мирового финансового кризиса в России, напротив, демонстрирует значительное сокращение вероятности трудоустройства на неформальных рабочих местах, что согласуется с выводами предшествующих исследований о падении показателей найма неформальных работников в 2008–2010 гг. в неторгуемых секторах экономики.

Ключевые слова: неформальная занятость; рынок труда; Россия; COVID-19; санкции; мировой финансовый кризис; экономический цикл.

DOI: 10.17323/1813-8691-2024-28-4-565-586

Для цитирования: Зудина А.А. Неформальная занятость в периоды кризиса: анализ потоков рабочей силы на российском рынке труда. *Экономический журнал ВШЭ*. 2024; 28(4): 565–586.

For citation: Zudina A.A. Informal Employment during Crises: Analysis of Labour Force Flows in the Russian Labour Market. *HSE Economic Journal*. 2024; 28(4): 565–586. (In Russ.)

Введение

Многие экономические исследования посвящены тому, как изменения экономического цикла отражаются на занятости в официальной экономике, уровне безработицы и выбытии работающего населения из состава рабочей силы. Однако динамика показателей неформальной занятости, которая в общем виде может быть определена как трудовая деятельность, осуществляемая без официального трудового договора или контракта и потому (полностью или частично) оказывающаяся за пределами сферы социальной защиты и защиты занятости, становится объектом исследования значительно реже из-за сложностей сбора соответствующих данных. Вопреки широко распространенному представлению о неформальности как о страховочной сетке, сглаживающей падение найма и занятости в официальной экономике, существующие теоретические и эмпирические источники свидетельствуют о разнонаправленности возможного влияния на уровни неформальной занятости, которые могут как увеличиваться, так и сокращаться. Различия определяются степенью сегментации рынка труда, соотношением долей неформальных работников, занятых в торгуемых и неторгуемых секторах экономики, доминирующим типом неформальной занятости и конфигурацией институтов рынка труда. Как отмечают исследователи, колебания экономического цикла могут оказывать гораздо более выраженное воздействие на показатели безработицы и формальное/неформальное распределение работников на рынках труда, характеризующихся значительной долей неформальной занятости [Bosch, Esteban-Pretel, 2012] – среди них страны Латинской Америки, Южной Азии, Африки южнее Сахары.

Российский рынок труда также представляет собой важный объект для изучения в контексте данной темы из-за значительной доли неформальной занятости, которая стала активно развиваться еще в период перехода к рыночной системе [Барсукова, 2004; Гим-

пельсон, Зудина, 2011; Варшавская, Донова, 2013; Гимпельсон, Капелюшников, 2013а, Синявская и др., 2004; Синявская, 2005]. В настоящей работе на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ впервые рассмотрена динамика потоков рабочей силы, направленных в/из состояния неформальной занятости в 2007–2023 гг., позволяющая уточнить реакцию российской неформальной занятости на ухудшение макроэкономической ситуации различного типа – мировой финансовый кризис 2008–2010 гг., введение санкций в 2014–2015 и 2022–2023 гг., а также падение занятости из-за пандемии COVID-19 в торговле и услугах, отраслях, являющихся традиционным сосредоточением неформальности во многих странах, включая Россию.

Неформальная занятость и связь ее динамики с фазами экономического цикла

Анализ потоков рабочей силы между различными состояниями на рынке труда приобретает все большую популярность среди исследователей. Он позволяет получить информацию об особенностях динамики рынка труда и подстройки к фазам экономического цикла², выходящую за пределы статичных данных о количестве занятых, безработных и находящихся за пределами рабочей силы в отдельные периоды наблюдения [Perry et al., 2007; Bosch, Maloney, 2008; Bosch, Maloney, 2010]. В течение долгого времени из-за отсутствия необходимых данных в панельных обследованиях домохозяйств и предприятий вне фокуса исследовательского внимания оставались потоки, направленные в/из состояния неформальной занятости [Colombo et al., 2019]. Между тем, их изучение способно прояснить источники увеличения безработицы в периоды экономического спада, связанные как с ликвидацией существующих рабочих мест, так и с сокращением показателей найма.

В соответствии с исходными представлениями о неформальности на рынке труда, сформированными на основе исследований К. Харта, она выступает превращенной формой безработицы, т.е. вынужденным пристанищем для тех, кто не смог найти работу с официальным оформлением и потому соглашается на рабочие места низкого качества – с невысокой оплатой, плохими условиями работы, отсутствующими или ограниченными перспективами продвижения и возможностями накопления и развития человеческого капитала [Hart, 1973]. В периоды экономического спада или внешнего негативного макроэкономического шока неформальная занятость должна изменяться контрциклически и становиться своеобразной «страховочной сеткой» для предприятий и домохозяйств, абсорбируя «излишки» занятых [Perry et al., 2007]. В тех случаях, когда размер пособия по безработице невелик или оно по тем или иным причинам недоступно для большей части рабочей силы, неформальная занятость предоставляет возможность заработать средства к существованию вчерашним формальным работникам [Packard et al., 2012]. Из-за сокращения возможностей для получения прибыли предприниматели также могут перемещать свой бизнес и связанные с ним рабочие места из формального сегмента в неформальный. Потребители, в свою очередь, также могут предъявлять повышенный спрос на

² Целью настоящей работы является анализ динамики неформальной занятости, а не неформальной (или теневой) экономики как таковой, так как неформальная занятость не сосредоточена исключительно в неформальном сегменте экономики.

товары и услуги, произведенные на неформальных рабочих местах, так как они стоят дешевле [Owolabi et al., 2022]. Соответственно, в периоды экономического подъема, когда число формальных рабочих мест и доходы увеличиваются, показатели делового климата улучшаются и общий наем растет, должен расти и обратный поток занятых из неформального сегмента рынка труда в формальный [Bosch, Maloney, 2010].

В действительности эмпирические оценки показывают, что уровень неформальной занятости также может снижаться по мере того, как возрастает безработица. Подобная ситуация наблюдалась, к примеру, во многих европейских странах в 2000-е годы [Nazans, 2011], а анализ рынков труда Мексики и Бразилии за 1980-е – начало 2000-х годов показал, что вероятность перехода в безработицу из состояния неформальной занятости по найму в три раза превышает аналогичный показатель для формальной занятости, и именно рост потерявших неформальную работу по найму объясняет большую часть увеличения показателей безработицы. Это связано с тем, что неформальные работники, как правило, заняты на неквалифицированных рабочих местах, не предполагающих опыта или значительных инвестиций в обучение, на них не распространяется защита трудового законодательства, и потому их увольнение не предполагает каких-либо издержек. Помимо этого, неформальные наемные работники, как правило, работают в небольших фирмах, которым сложнее пережить периоды турбулентности и, уходя с рынка, они ликвидируют все соответствующие неформальные рабочие места [Perry et al., 2007].

Альтернативная точка зрения на природу неформальной занятости на рынке труда подчеркивает неоднородность самих неформальных рабочих мест по качеству [Fields, 1990; Maloney, 2004]. Попадание в более благополучный с точки зрения условий работы и оплаты труда сектор (высококвалифицированная самозанятость) осуществляется добровольно и соответствует предпочтениям самих работников по избеганию налоговых отчислений и более гибкому рабочему ритму, в то время как вынужденный сегмент неформальности на рынке труда преимущественно составляют наемные работники фирм и физических лиц [Perry et al., 2007]. В соответствии с этим рынки труда представляются относительно интегрированными [Bosch, Maloney, 2010]. Таким образом, период экономического роста будет характеризоваться более интенсивными встречными потоками занятых между формальными и неформальными рабочими местами, ведь неформальная занятость выступает не формой безработицы, а лишь иной формой занятости. Примером являются рынки труда Мексики и Бразилии в период 1980-х – начала 2000-х годов, на которых вероятности взаимонаправленных переходов между формальной и неформальной занятостью различных типов были скоррелированы с фазами экономического цикла, возрастая в период подъема и уменьшаясь в периоды спада [Perry et al., 2007]. При этом в периоды спада вынужденные неформальные работники (неформально занятые по найму) первыми теряют работу, а страховочной сеткой для вчерашних формальных работников выступает неформальная самозанятость [Packard et al., 2012].

Особую роль в адаптации рынка труда играют и различия в потоках, исходящих из состояния безработицы и направленных в формальную и неформальную занятость. Согласно анализу рынков труда стран Латинской Америки, показатели трудоустройства на формальных рабочих местах имеют выраженный проциклический характер, т.е. возрастают во времена подъема и значительно снижаются во время спада, в то время как соответствующие значения, характеризующие неформальные рабочие места, отличаются большей стабильностью. Несмотря на то, что в период спада неформальные работники

чаще формальных теряют работу, потоки рабочей силы из состояния безработицы в состоянии неформальной занятости остаются положительными из-за значительной гибкости зарплат³ (не регулируемых законодательством о защите занятости и институтом минимальной зарплаты), благодаря которой издержки неформального найма остаются относительно небольшими [Perry et al., 2007].

В контексте настоящей работы интерес представляет и изучение динамики неформальной занятости в условиях экономических санкций. Соответствующие исследования в настоящий момент преимущественно представлены работами по иранскому рынку труда. Они показывают, что ужесточение торговых и финансовых санкций против Ирана в 2012–2014 гг. не привело к снижению вероятности занятости как таковой, однако структура рынка труда подверглась значительным изменениям. В результате доминирующее положение заняли низкопроизводительные рабочие места сектора услуг, при этом большая их часть являлась неформальной [Karimi Moughari, 2022], одновременно с этим увеличилась и вероятность смены формальной занятости на неформальную внутри корпоративного сектора [Moghaddasi Kelishomi, Nisticò, 2023].

Важную роль в динамике неформальной занятости играет и соотношение доли неформальных работников, занятых в торгуемых секторах экономики по сравнению с неторгуемыми. К примеру, в период восстановления мексиканской экономики 1987–1991 гг. основным источником проциклических изменений в неформальной занятости стал бум самозанятости в недвижимости и других неторгуемых секторах (услуги, транспорт), которые становились все более привлекательными для открытия неформального бизнеса [Fiess et al., 2006; Perry et al., 2007]. В большинстве европейских стран в 2000-е годы в периоды экономического подъема также наблюдался рост неформальной занятости. Так, между 2004 г. и 2007 г. доля неформальных наемных работников значительно возросла в Португалии, Дании, Эстонии и Испании, а в Дании и Испании одновременно увеличилась и доля неформальных самозанятых. Накануне мирового финансового кризиса доля неформальных трудовых контрактов в европейских странах преобладала, прежде всего, в неторгуемых секторах экономики (строительство и жилье), и именно там наблюдался наиболее активный рост, способствуя, тем самым, и экспансии неформальности [Packard et al., 2012].

Изучение особенностей динамики неформальной занятости в период пандемии COVID-19 также представляет особый интерес в контексте настоящей темы. Соответствующие результаты в настоящий момент преимущественно основаны на данных по странам Латинской Америки (см., например: [Leyva, Urrutia, 2021; Hoehn-Velasco et al., 2021]), где на неформальных рабочих местах устойчиво трудится более половины всех занятых. С одной стороны, неформальность зачастую оказывается сконцентрирована в отраслях, предполагающих личное общение продавцов и покупателей или клиентов – это торговля, общественное питание, гостиничный бизнес и разнообразные личные услуги (включая

---

³ Добровольный характер перехода между состояниями формальности и неформальности не означает полного отсутствия сегментации на рынке труда. Минимальная заработная плата и другие институциональные регуляторы стоимости труда сокращают возможности формального найма, приводя к асимметрии в потоках занятых и снижению доли добровольных переходов между формальным и неформальным типами занятости, в особенности, в период экономического спада [Perry et al., 2007].

уборку, приготовление пищи и уход за детьми, больными и престарелыми), а значит – в большей степени подверженных риску распространения заболевания, и потому их деятельность должна была жестко ограничиваться локальными санитарно-эпидемиологическими требованиями по ограничению или приостановке деятельности. С другой стороны, неформальность является основным источником дохода для тех, кто не смог найти наемную работу с официальным оформлением, ее представители полностью или частично находятся вне сферы мониторинга и поддержки со стороны государства, и на них не распространяются денежные и кредитные меры поддержки, принятые в период пандемии⁴. Неформальность, по определению, сопряжена с полным или частичным несоблюдением норм трудового законодательства, поэтому можно ожидать и несоблюдения эпидемиологических требований, что должно сдерживать падение показателей неформальной занятости [Leyva, Urrutia, 2021], и именно она может выступить локомотивом восстановления экономики⁵ в тех странах, где широко распространена.

Сравнение особенностей подстройки рынка труда во время пандемии с последствиями мирового финансового кризиса демонстрирует значительные различия по сравнению с исследовательскими ожиданиями.

В случае Мексики падение уровня общей занятости в первой половине 2020 г. на 11 п.п. было сопоставимо с соответствующими значениями начала 2008 г. Однако в период пандемии коронавируса значительный удар на себя приняла именно неформальная занятость – соответствующее сокращение ее уровня носило абсолютно беспрецедентный характер и составило 5 п.п. Тем самым, изменился и характер динамики неформальности. С середины 1990-х годов неформальность на мексиканском рынке труда увеличивалась в периоды экономического спада в результате стремительного сокращения формальной занятости и быстрого восстановления показателей занятости без оформления, однако в 2020 г. показатели неформальной занятости стремительно снижались одновременно с сокращением ВВП. Аналогичные процессы также характеризовали и рынок труда Бразилии в первой половине 2020 г. При этом высвободившиеся потоки рабочей силы покидали рынок труда, а не перемещались в безработицу, так как возможности поиска работы были жестко ограничены санитарной обстановкой. Тем не менее в первые месяцы 2021 г. именно неформальная занятость стала основным фактором восстановления экономики в обеих странах [Leyva, Urrutia, 2021].

Российский рынок труда также представляет собой интересный объект для изучения в данном контексте. Одним из основных факторов устойчивости неформальности на российском рынке труда являлся недостаточный спрос на труд в формальном сегменте рынка труда, т.е. сокращение рабочих мест на крупных и средних предприятиях. В результате на неформальных рабочих местах оказываются работники, вполне сходные по

---

⁴ Среди исключений – Бразилия, где было разработано специальное мобильное приложение для выявления работников неформального сектора, не зарегистрированных ни в одном реестре, для того чтобы обеспечить им право на получение помощи; Испания, где в программу поддержки были включены самозанятые; а также Филиппины, где работники неформального сектора, утратившие средства к существованию, могли воспользоваться программой временной занятости [ООН, 2020].

⁵ Подобный сценарий также сопряжен и с негативными последствиями для экономического роста – из-за невысокого качества товаров и услуг и низкой производительности труда, преимущественно характерной для неформальных рабочих мест [Leyva, Urrutia, 2021].

своей производительности труда и характеристикам человеческого капитала с формальными [Гимпельсон, Капелюшников, 2013а; Зудина, 2023], а разрыв в оплате труда связан, преимущественно, с различиями в механизмах зарплатообразования в разных сегментах рынка труда [Гимпельсон, Капелюшников, 2013б].

Существующие исследования показывают, что в период трансформации российской экономики неформальная занятость выступила одним из важных механизмов подстройки к кризисным явлениям – перемещение работников из формальной в неформальную занятость замедляло рост показателей безработицы, тем самым, позволяя поддерживать общий уровень занятости [Барсукова, 2004; Варшавская, Донова, 2013; Синявская и др., 2004; Синявская, 2005; Капелюшников 2023]. В 2000-е годы официальные данные Росстата, напротив, свидетельствовали о синхронном изменении роста ВВП и показателей доли неформальной занятости (сосредоточенной в неторгуемых секторах – торговля, строительство, бытовые и личные услуги) [Гимпельсон, Зудина, 2011]. В свою очередь, на первых этапах финансового кризиса 2008–2010 гг. и санкционного кризиса 2014–2015 гг. наблюдался кратковременный рост уровня неформальной занятости, а в период коронакризиса 2020 г. – резкое сокращение неформальности на рынке труда [Капелюшников, 2023]. Указанные результаты были получены на данных кросс-секционного Обследования рабочей силы (ОРС) Росстата, при этом анализ потоков рабочей силы, предполагающий наличие панельных данных, оставался вне фокуса специального исследовательского внимания, что обосновывает актуальность настоящей работы. Так, работы по динамике потоков рабочей силы в России либо не выделяют отдельно состояние неформальности [Гимпельсон, Шарунина, 2015], либо анализируют переходы в неформальную занятость исключительно в контексте молодежного рынка труда и не рассматривают влияние кризисов [Зудина, 2020], либо изучают факторы перехода между состояниями формальной и неформальной занятости, при прочих равных условиях [Slonimczyk, Gimpelson, 2015], или их последствия для производительности труда [Гимпельсон, Воскобойников, 2015], не обсуждая при этом эффекты экономических кризисов.

Эмпирическая база и методология исследования

Эмпирической базой настоящего исследования являлись панельные данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2007–2023 гг.

Для операционализации различных типов неформальной занятости в работе была адаптирована методология, разработанная Ф. Слонимчиком для анализа результатов обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ [Slonimczyk, 2011], которая может считаться одной из наиболее полных с точки зрения разнообразия выделяемых типов неформальной занятости.

Так, в настоящей работе были выделены следующие категории неформальных работников: 1) неформальные наемные работники, занятые на предприятиях – определялись на основе вопроса регулярной анкеты РМЭЗ ВШЭ о наличии или отсутствии официального трудового договора или контракта на основной работе⁶ для работников пред-

⁶ Оригинальная методология Ф. Слонимчика предполагала выделение неформальной занятости как на основной, так и на дополнительной работе, однако в настоящей работе исследовательский интерес при анализе категорий 1) и 2) сосредоточен на характеристиках основной работы,

приятий и организаций; 2) занятые вне корпоративного сектора – те, кто заявил, что работает не на предприятии в рамках своей основной занятости (сюда относились 2а) неформальные предприниматели (самозанятые)⁷ и 2б) неформальные наемные работники, занятые у физических лиц или индивидуальных предпринимателей⁸); 3) случайные, или нерегулярные работники – в данную категорию были отнесены респонденты, которые не имели основной работы, но указали, что были заняты хотя бы раз за последние 30 дней (например, шили что-то на продажу или подвозили кого-то на машине) – подобные виды трудовой деятельности осуществляются вне предприятий и также, как правило, не сопряжены и с официальной регистрацией или уплатой налогов [Синявская, 2005; Slonimczyk, 2011].

Формальные работники определялись как занятые на предприятиях (т.е. в корпоративном секторе) и имеющие официальный трудовой договор или контракт. Безработные – как те, кто не имел работы, но искал ее и был готов к ней приступить в случае нахождения, а пребывающие вне состава рабочей силы – как те, кто не имели работы и не искали ее⁹.

Аналитическая часть исследования состоит из двух последовательных этапов.

На первом этапе рассматривалась динамика общего уровня неформальной занятости и ее различных типов в 2007–2023 гг.

На втором этапе анализировалась динамика безусловных вероятностей перехода между различными статусами на рынке труда, соотнесенная с изменением показателей

так как именно ее наличие или отсутствие определяет базовый статус человека на рынке труда (состояние занятости, безработицы или пребывания вне состава рабочей силы).

⁷ Отнесение занятых вне корпоративного сектора, включая самозанятых, к неформальной занятости соответствует как т.н. производственному [Husmanns, 2004], так и легалистскому подходу [Maloney, 2004] к определению неформальности на рынке труда. Согласно первому – ключевое значение имеет небольшой размер предприятия и отсутствие оформления в статусе юридического лица, согласно второму – полное или частичное выпадение работников такого типа из сферы социальных гарантий, предоставляемых формальным работникам. Несмотря на то, что индивидуальные предприниматели и самозанятые в современных условиях могут оформлять свой статус юридически, их трудовая деятельность, тем не менее, не предполагает равноценного доступа к системе социальной защиты и защиты занятости, а также пенсионному обеспечению.

⁸ До 2014 г. включительно данные РМЭЗ ВШЭ позволяли разделять в явном виде эти два типа занятости вне корпоративного сектора при помощи уточняющих вопросов. Однако на протяжении значительной части интересующего периода эти вопросы были исключены из анкеты РМЭЗ ВШЭ, и можно судить о структуре занятости вне корпоративного сектора лишь косвенно. Так, предпринимательская деятельность вне корпоративного сектора была операционализирована при помощи пересечения категории занятых за пределами предприятий и организаций с вопросом J90 анкеты об основном занятии респондента, один из вариантов ответа которого предполагает вариант «Предприниматель». В свою очередь, занятость по найму вне корпоративного сектора представляла собой остаточную категорию тех, кто ответил, что был занят не на предприятии и не в организации, но при этом не отметил предпринимательскую деятельность в качестве своего основного занятия.

⁹ В соответствии с обновленными рекомендациями Международной организации труда к находящимся вне состава рабочей силы также следует относить тех, кто не имеет работы, ищет ее, но не готов к ней приступить [ILOstat, 2019]. Однако, согласно данным РМЭЗ ВШЭ за анализируемый период, соответствующая категория составляла 0,5–0,7% от всех находящихся вне состава рабочей силы.

уровня безработицы. Это позволило отследить возможное изменение направлений потоков на российском рынке труда в зависимости от макроэкономической ситуации, и данный подход был ранее представлен в работе [Bosch, Maloney, 2010] о неформальной занятости в странах Латинской Америки. Значения вероятностей перемещения между статусами были получены на основе безусловных попарных матриц перехода, рассчитанных для каждой последовательной пары лет на данных несбалансированной панели за 2007–2023 гг.¹⁰

Обзор результатов эмпирических исследований изменений потоков рабочей силы между состояниями формальной и неформальной занятости, безработицы и нахождения вне состава рабочей силы в периоды негативных макроэкономических шоков позволяет сформулировать следующие базовые гипотезы исследования применительно к России в 2007–2023 гг.:

H1: В периоды негативных макроэкономических шоков неформальные работники чаще переходили в состояние безработицы, чем формальные (их увольнение не предполагает дополнительных издержек для работодателя).

H2: В периоды негативных макроэкономических шоков вероятность трудоустройства на формальных рабочих местах после состояния безработицы или пребывания вне состава рабочей силы сокращалась значительно сильнее, чем вероятность нахождения неформальной работы (неформальное рабочее место найти легче – неформальный найм обходится работодателю дешевле, не сопряжен с дополнительными обязательными налоговыми и социальными выплатами).

H3: В период пандемии COVID-19 увеличились потоки, направленные из формальной и неформальной занятости за пределы рынка труда (из-за эпидемиологических ограничений возможности поиска работы значительно сократились, и потерявшие работу чаще покидали рынок труда).

Несомненным достоинством используемых данных ежегодного обследования РМЭЗ ВШЭ в контексте настоящей темы является их панельный характер, позволяющий отслеживать перемещения одних и тех же людей между статусами на рынке труда. Тем не менее зарубежные исследования на сходную тему, как правило, проводятся на более подробных данных, собираемых с периодичностью раз в шесть месяцев либо ежеквартально. Также к ограничениям представленных результатов следует отнести и то, что они были получены на основе безусловных матриц перехода, т.е. не учитывают различий в структуре формальной и неформальной занятости. Однако в контексте настоящей темы основной интерес представляли изменения в «профилях» вероятностей перехода, происходящие в кризисные периоды, а также направление этих изменений. При этом более подробный анализ вероятностей перехода на основе уточненных оценок с учетом различий в структуре формальной и неформальной занятости представляет собой одно из важных направлений дальнейшей работы над темой.

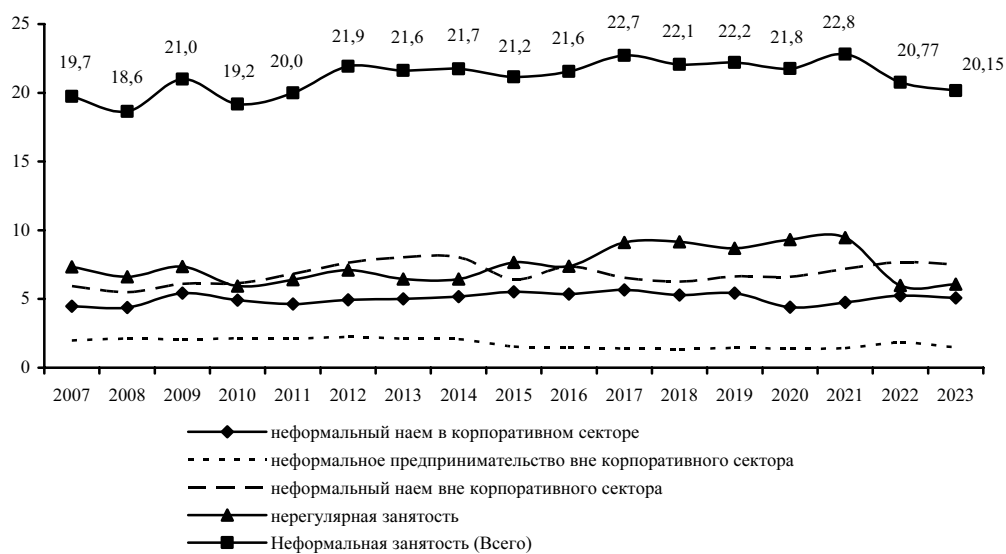
---

¹⁰ Всего за период 2007–2023 гг. было рассчитано 16 матриц, и для составления одной матрицы была необходима информация о текущем положении респондента на рынке труда в году N и о его положении в следующем году $N + 1$. Если в условном году M или следующим за ним $M + 1$ необходимые данные по какому-либо респонденту отсутствовали, то он не принимал участия в расчете этой матрицы, и при этом в расчет включались новые респонденты, которые наблюдались как в году M , так и в году $M + 1$. Информация из матриц далее использовалась для построения временных рядов для анализа динамики вероятностей перехода, представленная на рис. 2–5.

Основные результаты

На рис. 1 представлено изменение общего уровня неформальной занятости и ее типов согласно данным РМЭЗ ВШЭ в 2007–2023 гг. Так, общий уровень занятости без оформления, который представляет собой суммирование уровней неформального найма на предприятиях, предпринимательской деятельности вне корпоративного сектора, занятости по найму вне корпоративного сектора, а также нерегулярной занятости, на протяжении большей части анализируемого периода устойчиво составлял около 20% или более от всех занятых.

Выделяются отдельные периоды подъема (например, в 2009 и 2021 гг.) и спада (2008, 2010, 2020 и 2022–2023 гг.), при этом наибольший вклад в волатильность показателя общей неформальности вносит изменение уровня вовлеченности в нерегулярную занятость, демонстрировавшего выраженную тенденцию к росту после первой волны санкций (с 6,5% в 2014 г. до 9,5% в 2021 г.) и значительно сократившегося во время второй волны санкций 2022–2023 гг. (до 6%). Уровень неформального найма вне корпоративного сектора преимущественно изменяется асимметрично динамике нерегулярной занятости – в периоды спада нерегулярной занятости наблюдается подъем неформального найма вне корпоративного сектора, и наоборот¹¹.

Рис. 1. Динамика уровня неформальной занятости и его структура, в % от всех занятых, РМЭЗ ВШЭ, 2007–2023 гг.

Источник: расчеты автора.

¹¹ Исключение составляет период мирового финансового кризиса и последующего восстановления (между 2008 г. и 2009 г. и 2010–2012 гг.), когда показатели уровней неформальной наемной занятости вне корпоративного сектора и нерегулярной занятости одновременно возрастали.

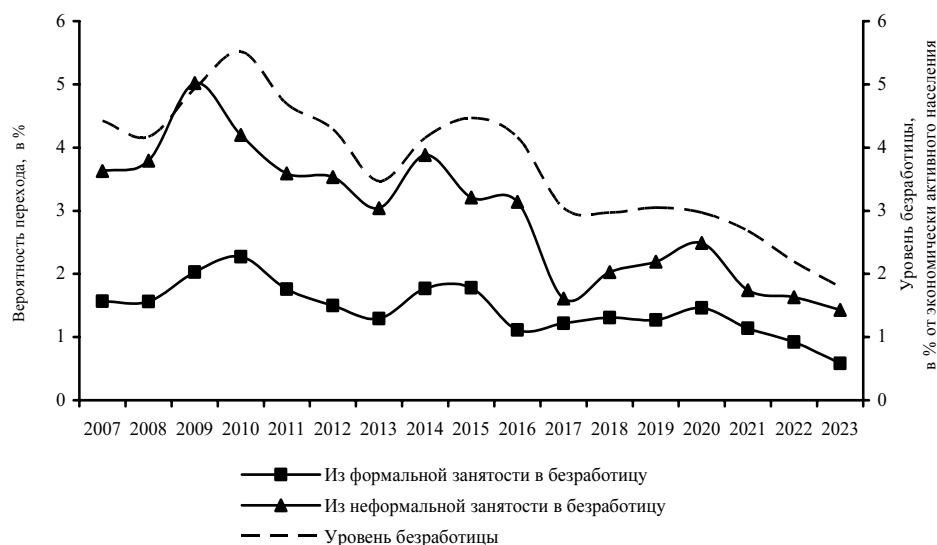
Уровень неформального найма в корпоративном секторе остается относительно стабильным и составляет около 5% от всей занятости. При этом можно отметить выраженный подъем в 2009 г., а также спад в 2020 г. (в обоих случаях на 1 п.п.). В свою очередь, уровень неформального предпринимательства вне корпоративного сектора в 2007–2020 гг. снизился с 2 до 1,4% от всей занятости, и наибольшее сокращение наблюдалось после 2014 г. Примечательно, что ужесточение экономических санкций в 2022 г. охарактеризовалось выраженным ростом показателей неформальной занятости различных типов (за исключением нерегулярной занятости) – соответствующая динамика по неформальной занятости, осуществляемой как внутри, так и за пределами корпоративного сектора, составила 0,4–0,5 п.п. Однако уже в 2023 г. показатели вовлеченности в неформальную занятость вновь стали снижаться. Можно предположить, что первоначальная реакция рынка труда была связана с перемещением занятых, потерявших работу из-за закрытия представительств зарубежных компаний, на неформальные рабочие места, в то время как последующая динамика может объясняться ростом спроса на труд со стороны официального отечественного корпоративного сектора.

Анализ, представленный выше, позволяет охарактеризовать общую картину занятости в изучаемый период. Однако он ничего не говорит о динамике, лежащей в основе описываемых изменений. Поэтому на следующем этапе исследования мы обращаемся к характеристикам потоков между различными состояниями на рынке труда.

На рис. 2 изображены безусловные вероятности переходов из занятости различных типов в безработицу на российском рынке труда в 2007–2023 гг. При этом под неформальной занятостью понимался агрегированный показатель, суммирующий уровень занятости по найму без оформления в корпоративном секторе, занятость (по найму и не по найму) вне корпоративного сектора и нерегулярную занятость.

Безусловная вероятность потери работы с официальным оформлением в следующем году в целом невелика – она не достигает 2% в течение практически всего периода наблюдения. Ожидаемо, что профиль имеет достаточно отчетливые участки подъема в 2008–2010, 2014–2015 гг., а также в 2020 г. Таким образом, формальные работники чаще переходили в состояние безработицы в период мирового финансового кризиса, первой волны экономических санкций и пандемии COVID-19. Для сравнения вероятность потери работы без официального оформления оказывается выше в течение всего периода наблюдения и варьируется от 1,8 до 5%.

С ростом уровня безработицы увеличиваются и вероятности перехода в состояние безработицы – как из формальной занятости, так и из неформальной. При этом вероятность потери работы среди неформальных работников оказывается гораздо чувствительнее к динамике уровня безработицы в целом, чем аналогичный показатель среди формальных работников. В соответствии с исследовательской гипотезой Н1 в периоды негативных макроэкономических шоков неформальные работники теряют работу чаще, чем формальные – в 2009 г. и 2014 г. отмечается значительный рост показателя перехода в безработицу после неформальной занятости (в обоих случаях на +1 п.п.), и он достигает максимальных значений за весь период наблюдения – 5% и 4% соответственно.

Рис. 2. Динамика безусловных вероятностей перехода из занятости в безработицу (основная левая ось ординат, в %) и уровня безработицы (вспомогательная правая ось, в % от рабочей силы), РМЭЗ ВШЭ, 2007–2023 гг.

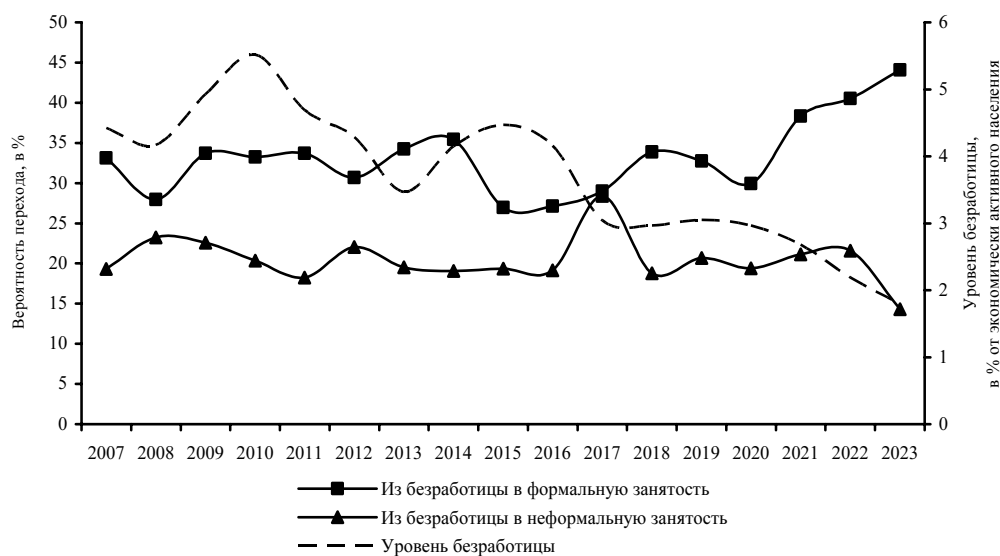
Источник: расчеты автора.

На протяжении 2018–2020 гг. вероятность перейти в безработицу после неформальной занятости вновь возрастает, при этом наибольшее увеличение показателя приходится на первый год пандемии коронавируса в России – 2020 г. (+0,2 п.п.). В 2021 г. происходит уменьшение обоих показателей вероятности перехода в безработицу, при этом вероятность потери работы после неформальной занятости сокращается в большей степени (–0,7 п.п.), чем при потере работы после занятости с официальным оформлением (–0,2 п.п.). Примечательно, что вторая волна санкционных ограничений 2022–2023 гг. сопровождается как общим сокращением показателя безработицы, так и вероятности потери работы после формальной или неформальной занятости.

На рис. 3 представлены безусловные вероятности перехода из безработицы в занятость различных типов на российском рынке труда в 2007–2023 гг., соотнесенные с динамикой уровня безработицы.

Можно отметить, что вероятность нахождения формальной занятости в целом всегда выше, чем работы без оформления. На протяжении рассматриваемого периода соответствующие значения составляют 27–44% для перехода в формальную занятость и 14–28% для неформальной занятости. Изменение уровня безработицы, как правило, характеризуется и выраженной динамикой в вероятностях перехода из безработицы в формальную занятость – при росте уровня безработицы соответствующая вероятность сокращается (как это происходило, например, в 2008, 2015 и 2020 гг.), а при снижении увеличивается. Вероятность перехода из безработицы в неформальную занятость, напротив, остается более устойчивой¹², что соответствует гипотезе H2.

¹² За исключением отчетливого подъема в 2017 г., который сменяется возвращением к прежним значениям в 2018 г. и, по всей видимости, является статистическим артефактом.

Рис. 3. Динамика безусловных вероятностей перехода из безработицы в занятость (основная левая ось ординат, в %) и уровня безработицы (вспомогательная правая ось, в % от рабочей силы), РМЭЗ ВШЭ, 2007–2023 гг.

Источник: расчеты автора.

Отдельно необходимо отметить период 2009–2011 гг., когда показатели нахождения работы с официальным оформлением, напротив, были относительно стабильными, в то время как вероятность устроиться на неформальную работу снижалась (–5 п.п.). Возможной причиной может быть то, что в тот период сокращались уровни неформальной занятости по найму в корпоративном секторе, отражая стратегии адаптации предприятий к мировому финансовому кризису (см. рис. 1). Данные результаты согласуются с более ранними исследованиями, которые выявили процикличность динамики неформальной занятости в период мирового финансового кризиса, связанную с концентрацией спроса на труд неформальных работников в наиболее пострадавших неторгуемых секторах (строительство, жилье, бытовые и личные услуги) [Fiess et al., 2006; Perry et al., 2007; Packard et al., 2012; Гимпельсон, Зудина, 2011]. Между 2009 и 2010 гг. уменьшилась и доля нерегулярных работников в общей занятости (см. рис. 1), что, в свою очередь, может объясняться сокращением совокупных доходов населения, предъявляющих основной спрос на их товары и услуги, и также могло повлиять на снижение показателей перехода из безработицы в неформальную занятость.

В 2020 г. показатели перехода из безработицы как в формальную, так и в неформальную занятость снижаются, причем сокращение потока в формальную занятость имеет гораздо более выраженный характер (–3 п.п. против –1 п.п. при переходе в неформальную занятость). Одновременно с этим происходит и небольшое *снижение* фиксируемого по данным РМЭЗ ВШЭ уровня безработицы, что, по всей видимости, может являться отражением реакции рынка труда на связанные с пандемией ограничения ведения хозяйственной деятельности. Поиск работы был значительно осложнен закрытием или приос-

тановлением работы предприятий, поэтому потерявшие работу в большей степени перемещались за пределы рынка труда, что привело к сокращению уровня безработицы¹³.

Восстановление экономики в 2021 г., в свою очередь, сопровождается активным ростом вероятности перехода из безработицы в формальную занятость (+9 п.п.), увеличивается и вероятность найти работу без оформления (+2 п.п.), при этом сам уровень безработицы по сравнению с 2020 г. остается неизменным.

Вторая волна санкционных ограничений 2022 г. характеризуется значительным сокращением уровня безработицы (на -0,5 п.п. по сравнению с показателем 2021 г.), на фоне которого происходит рост вероятности трудоустройства как на формальных, так и на неформальных рабочих местах. При этом увеличение вероятности нахождения работы с официальным оформлением после предшествующей безработицы имеет более выраженный характер (+2 п.п. против +0,4 п.п.), и оно получает развитие и в 2023 г. (+3,5 п.п.), в то время как вероятность неформального найма, напротив, сокращается (-7 п.п.), что может свидетельствовать об ужесточении конкуренции между работодателями в условиях нехватки рабочей силы, предлагающими потенциальным соискателям более привлекательные официальные контракты.

Согласно результатам предшествующих исследований потоки между состояниями занятости и пребывания вне состава рабочей силы на российском рынке труда, как правило, значительно больше, чем потоки между занятостью и безработицей. Невысокий размер пособия по безработице в России дестимулирует вчерашних занятых надолго задерживаться в состоянии поиска работы, и основные потоки рабочей силы минуют состояние безработицы как таковое. Тем самым, нахождение за пределами рынка труда выступает своеобразным пунктом «транзита» для потерявших работу, выполняя особую адаптационную роль [Гимпельсон, Шарунина, 2015].

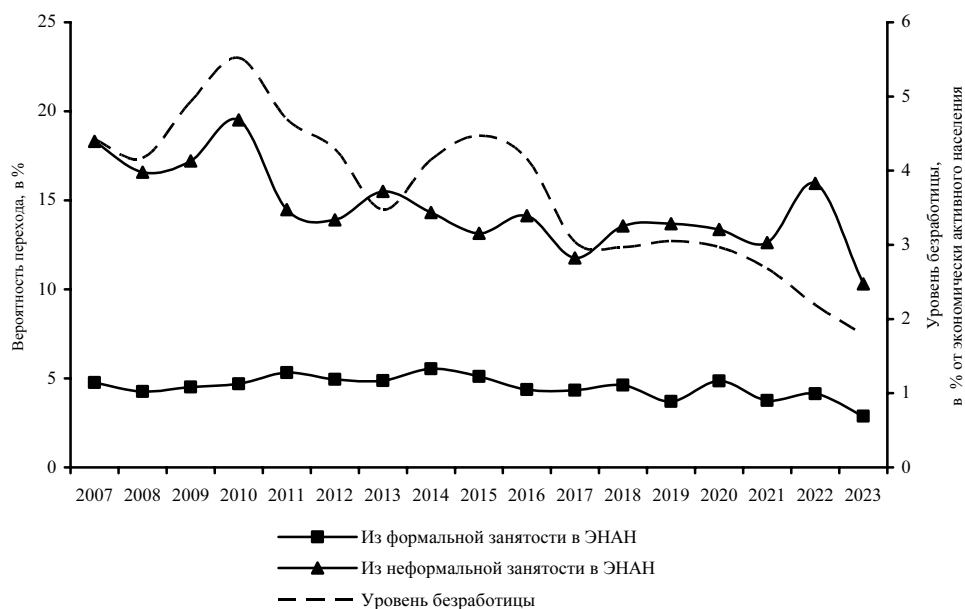
На рис. 4 представлено изменение вероятностей перемещения из занятости различных типов за пределы рынка труда.

В рассматриваемый период неформальные работники значительно чаще покидали рынок труда по сравнению с работниками, имеющими официальный трудовой договор или контракт. При этом, аналогично представленным выше результатам по потокам из формальной занятости в безработицу, поток из состояния формальной занятости за пределы рынка труда оставался достаточно стабильным, а соответствующая безусловная вероятность не превышала 5%. Наиболее значительный прирост наблюдается только в 2011 г. (+0,6 п.п.), 2014 г. (+0,6 п.п.), 2020 г. (+1,2 п.п.) и 2022 г. (+0,4 п.п.).

Одновременно с этим потоки, направленные из неформальной занятости за пределы рынка труда, в целом отличаются меньшей устойчивостью, однако ни первая волна санкций 2014–2015 гг., ни введение ковидных ограничений не сопровождаются увели-

¹³ Отметим отличие динамики уровня безработицы, фиксируемое на данных РМЭЗ ВШЭ в период пандемии, от показателей Росстата, полученных в рамках регулярных Обследований рабочей силы (ОРС). Если первые демонстрируют сокращение безработицы в 2020 г., то вторые – обратную динамику. Можно предположить, что основная причина связана с различиями в структуре достигнутых выборок опрошенных респондентов в период коронавирусных ограничений. Различия в оценках могут быть вызваны и тем, что, согласно рекомендациям МОТ, из-за эпидемиологических ограничений ОРС проводилось методом телефонного (а не личного) опроса респондентов [Лайкам, 2021] с использованием измененной методологии и на сокращенной выборке [Капелюшников, 2020].

чением показателей ухода неформальных работников с рынка труда, что противоречит исследовательской гипотезе НЗ. В период восстановления экономики в 2021 г. вероятности ухода с рынка труда после формальной и неформальной занятости уменьшаются на $-1,2$ п.п. и -1 п.п. соответственно, отражая улучшение общей ситуации на рынке труда.

Рис. 4. Динамика безусловных вероятностей ухода из занятости за пределы рынка труда (основная левая ось ординат, в %) и уровня безработицы (вспомогательная правая ось, в % от рабочей силы), РМЭЗ ВШЭ, 2007–2023 гг.

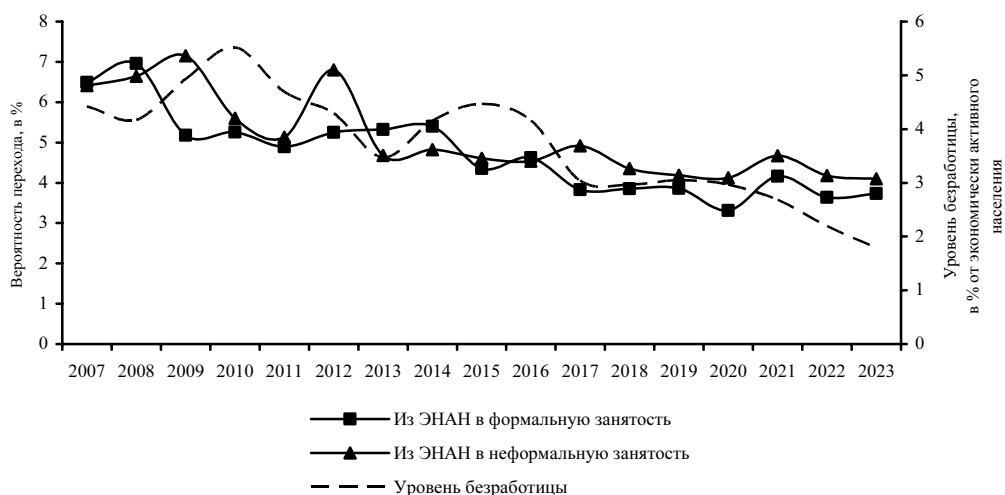
Источник: расчеты автора.

Период мирового финансового кризиса вновь демонстрирует отличные от представленных выше результаты. Так, 2008–2010-е годы характеризуются ростом вероятности ухода с рынка труда после неформальной занятости (+3 п.п.) и формальной занятости (+0,5 п.п.). Примечательно, что сходная реакция наблюдается и во время второй волны санкционных ограничений в 2022 г., когда вероятность покинуть рынок труда после предшествующей неформальной занятости возрастает на +3,3 п.п., а после формальной занятости – на +0,4 п.п. При этом в 2023 г. показатели вновь снижаются (на $-5,6$ п.п. для неформальных работников и на $-1,2$ п.п. для формальных), что может свидетельствовать об активизации спроса на труд на российском рынке труда.

На рис. 5 представлены вероятности перехода в различные типы занятости после пребывания вне состава рабочей силы.

В анализируемый период вероятность трудоустройства с официальным оформлением после пребывания вне состава рабочей силы снизилась с 6% в 2008 г. до 3,6% в 2022 г. При этом выделяются участки профиля, характеризующиеся наиболее отчетливым сокращением показателя – это изменение между 2008 и 2009 гг. ($-0,8$ п.п.), 2014 и 2015 гг.

(-1 п.п.), 2019 и 2020 гг. (-0,6 п.п.), а также 2021 и 2022 гг. (-0,5 п.п.), т.е. периоды наиболее выраженных негативных макроэкономических шоков.

Рис. 5. Динамика безусловных вероятностей вхождения в состояние занятости после пребывания за пределами рынка труда (основная левая ось ординат, в %) и уровня безработицы (вспомогательная правая ось, в % от рабочей силы), РМЭЗ ВШЭ, 2007–2023 гг.

Источник: расчеты автора.

В свою очередь, изменения показателей перехода в неформальную занятость отличаются большей стабильностью в 2010-е годы, в целом зафиксировавшись на уровне 2015 г. Примечательно, что 2020 г. не характеризуется таким же выраженным уменьшением вероятности трудоустройства на неформальных рабочих местах (значение составило -0,07 п.п.), как в случае с переходом в формальную занятость (-0,55 п.п.), что согласуется с гипотезой H2. В свою очередь, восстановление экономики в 2021 г. сопровождается ростом вероятности перехода в занятость, при этом вероятность перехода в формальную занятость увеличивается больше, чем вероятность перехода в неформальную занятость (+0,9 п.п. против +0,6 п.п.). Во время второй волны санкционных ограничений 2022 г. происходит сокращение вероятности нахождения работы любого типа после пребывания вне состава рабочей силы, однако в 2023 г. тенденция к росту вероятности формального трудоустройства возобновляется.

В период мирового финансового кризиса динамика потоков рабочей силы, направленных в занятость различных типов после пребывания за пределами рынка труда, вновь значительно отличается. Несмотря на снижение вероятности трудоустройства на неформальных рабочих местах после состояния безработицы, описанное выше, можно выделить два периода активного роста вероятности трудоустройства без оформления после состояния пребывания вне состава рабочей силы – между 2008 и 2009 гг. и между 2011 и 2012 гг. При этом, если последнее наблюдалось на фоне снижения уровня безработицы и увеличения (хотя и относительно скромного) вероятности трудоустройства на формальных рабочих местах, отражая общее изменение в макроэкономическом климате, то

позитивная динамика потоков, направленных в неформальную занятость в 2008–2009 гг., может быть связана с эффектом так называемого «дополнительного» работника [Lundberg, 1985]. Так, пребывавшие ранее за пределами рынка труда члены домохозяйства могут выходить на рынок труда, чтобы сгладить шок падения доходов семьи из-за сокращения зарплаты или потери работы основным «добытчиком».

Заключение

Настоящее исследование представляет собой первую попытку комплексного анализа динамики потоков рабочей силы между состояниями занятости различных типов, безработицы и пребывания вне рабочей силы на протяжении 2007–2023 гг. Устойчивое сосуществование формального и неформального сегментов рынка труда, а также значительный размер последнего, вне зависимости от используемого определения, традиционно являются важными атрибутами российского рынка труда. Неформальность выступала одним из ключевых механизмов адаптации к шоку перехода к рыночной системе в 1990-е годы и, несмотря на позитивную динамику ВВП в первой половине 2000-х годов, отнюдь не сократила свое присутствие на рынке труда. В то же время вопрос соотношения неформальной и формальной занятости и их совместной динамики по отношению к показателям безработицы в периоды негативных макроэкономических шоков остается открытым.

Проведенное исследование позволило уточнить исследовательские представления о природе неформальной занятости на российском рынке труда. Так, вне зависимости от изменений экономической конъюнктуры, доля неформальности в общей занятости на протяжении большей части анализируемого периода устойчиво составляла более 20%, при этом наибольший вклад в волатильность неформальности на рынке труда вносила динамика нерегулярной занятости.

В периоды негативных макроэкономических шоков российские неформальные работники теряли работу чаще, чем формальные, однако при этом вероятность нахождения работы без оформления после состояния безработицы или пребывания вне состава рабочей силы, как правило, не снижалась так же сильно, как соответствующая вероятность нахождения формальной работы. Первый «санкционный шок» 2014–2015 гг. также не привел к увеличению показателей ухода неформальных работников с рынка труда, а значения соответствующих потоков в 2020 г. вполне соответствовали допандемийным показателям. В свою очередь, восстановление экономики между 2020 и 2021 гг. сопровождалось значительным сокращением показателей вероятности перехода в безработицу из занятости, наиболее выраженное среди неформальных работников, активным ростом вероятности трудоустройства после состояния безработицы и пребывания вне состава рабочей силы (прежде всего, на рабочие места с официальным оформлением), а также уменьшением вероятности ухода с рынка труда после состояния формальной занятости. Указанные результаты анализа динамики потоков рабочей силы в целом согласуются с имеющимися исследованиями по странам Латинской Америки.

Вместе с тем реакции потоков рабочей силы отнюдь не были универсальными. Так, мировой финансовый кризис сопровождался сокращением показателей трудоустройства на неформальных рабочих местах после состояния безработицы, что объяснялось особенностями предшествующей проциклической динамики показателей ВВП и неформальной занятости и последовавшее в 2008–2010 гг. значительное падение спроса на не-

формальных наемных работников со стороны предпринимателей и физических лиц. Адаптация рынка труда ко второй волне санкционных ограничений 2022–2023 гг., в свою очередь, также имела свои особенности – сокращение рисков перехода в безработицу вне зависимости от типа предшествующей занятости, увеличение показателей трудоустройства на формальных рабочих местах после безработицы и сокращение показателей трудоустройства на неформальной основе, что отражало возросший спрос на труд со стороны корпоративного сектора в условиях обострения нехватки рабочей силы.

Дальнейшие направления анализа потоков рабочей силы могут быть сосредоточены на более подробном изучении динамики переходов на основе условных вероятностей, рассчитанных с учетом различий в структуре формальной и неформальной занятости, изучении особенностей переходов между формальной занятостью и отдельными типами неформальной занятости, а также на сравнении социально-демографического портрета «стабильных» и «мобильных» формальных и неформальных работников.

* *
*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.

Варшавская Е.Я., Донова И.В. Неформальный наем в корпоративном секторе (где и чем заняты те, кого не видно сверху) // Мир России. 2013. Т. 22. № 4. С. 148–173.

Гимпельсон В.Е., Воскобойников И.Б. Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике // Вопросы экономики. 2015. № 11. С. 30–61. (<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-30-61>)

Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? // Вопросы экономики. 2011. № 10. С. 53–76. (<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-10-53-76>)

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Жить «в тени» или умереть «на свету»: неформальность на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2013а. № 11. С. 65–88. (<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-11-65-88>)

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нормально ли быть неформальным? // Экономический журнал ВШЭ. 2013. Т. 17. № 1. С. 3–43.

Гимпельсон В.Е., Шарунина А.В. Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг. // Экономический журнал ВШЭ. 2015. Т. 19. № 3. С. 313–348.

Зудина А.А. Есть ли в России молодежь NEET? Траектории входа и выхода // Российский рынок труда через призму демографии / Под общ. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2020. С. 245–292.

Зудина А.А. Человеческий капитал неформальных работников в России: о чем говорят некогнитивные навыки // Мир России: Социология, этнология. 2023. Т. 32. № 1. С. 37–60. (<https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-37-60>)

Капелюшников Р.И. Взрывной рост безработицы: правда или вымысел? // ЭКОНС: экономический разговор. 2020. 4 августа 2020. (<https://econs.online/articles/opinions/vzryvnoy-rost-bezrobotitsy-pravda-ili-vumysel/>) (Дата обращения 1.10.2024).

Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов // Вопросы экономики. 2023. № 8. С. 5–37. (<http://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37>)

Лайкам К.Э. Российский рынок труда в условиях пандемии коронавируса // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 5. С. 49–57. (<https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-5-49-57>)

ООН. Аналитическая записка: сфера труда и COVID-19. ООН, 2020. (https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_policy_brief_world_of_work_and_covid_19_russian.pdf) (Дата обращения 1.10.2024).

Синявская О.В., Малева Т.М., Попова Д.О. Неформальная занятость в России: методологические подходы и эмпирические оценки. Научные доклады НИСП, 2004.

Синявская О.В. Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. № 2. С. 12–28.

Bosch M., Esteban-Pretel J. Job Creation and Job Destruction in the Presence of Informal Markets // *Journal of Development Economics*. 2012. Vol. 98. P. 270–286. (<http://doi.org/10.1016/j.jdevco.2011.08.004>)

Bosch M., Maloney W. Cyclical Movements in Unemployment and Informality in Developing Countries // *IZA Discussion Paper Series*. 2008. IZA DP № 3514. (<https://docs.iza.org/dp3514.pdf>) (Accessed 01.10.2024).

Bosch M., Maloney W. Comparative Analysis of Labor Market Dynamics Using Markov Processes: An Application to Informality // *Labour Economics*. 2010. Vol. 17. № 4. P. 621–631. (<https://doi.org/10.1016/j.labeco.2010.01.005>)

Colombo E., Menna L., Tirelli P. Informality and the Labor Market Effects of Financial Crises // *World Development*. 2019. Vol. 119. P. 1–22. (<https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.03.001>)

Fields G.S. Labour Market Modeling and the Urban Informal Sector: Theory and Evidence // D. Turnham, B. Salomé, A. Schwarz (eds.). *The Informal Sector Revisited*. Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-Operation and Development, 1990. P. 49–69.

Fiess N.M., Fugazza M., Maloney W. Informal Labor Markets and Macroeconomic Fluctuations // *University of Glasgow Working Papers*. 2006. Working Paper 2006_17. Business School – Economics, University of Glasgow. (https://www.gla.ac.uk/media/Media_22188_smx.pdf) (Accessed 01.10.2024).

Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana // *The Journal of Modern African Studies*. 1973. Vol. 11. № 1. P. 61–89. (<https://www.jstor.org/stable/159873>) (Accessed 01.10.2024).

Hazans M. Informal Workers across Europe: Evidence from 30 Countries // *IZA Discussion Paper Series*. 2011. IZA DP № 5871. (<https://docs.iza.org/dp5871.pdf>) (Accessed 01.10.2024).

Hoehn-Velasco L., Silverio-Murillo A., Balmori de la Miyar J.R. The Long Downturn: The Impact of the Great Lockdown on Formal Employment // *Journal of Economics and Business*. 2021. Vol. 115. (<https://doi.org/10.1016/j.jeconbus.2021.105983>)

Husmanns R. Defining and Measuring Informal Employment // *International Labour Office Working Paper*. Geneva, 2004.

ILOstat. Persons Outside the Labour Force: How Inactive Are they Really? Delving into the Potential Labour Force with ILO Harmonized Estimates // *ILOstat Spotlight on Work Statistics*. 2019. № 8. (<https://www.ilo.org/publications/persons-outside-labour-force-how-inactive-are-they-really-delving-potential>) (Accessed 01.10.2024).

Karimi Moughari Z. Iran Labour Market under the Sanctions // *International Journal of New Political Economy*. 2022. Vol. 3. Iss. 1. P. 183–202. (https://jep.sbu.ac.ir/article_102365_22c7c8158db91f1d59b0e5f49e492927.pdf) (Accessed 01.10.2024).

Leyva G., Urrutia C. Informal Labor Markets in Times of Pandemic: Evidence for Latin America and Policy Options // *Working Papers*. 2021. № 2021-21. Banco de México, Ciudad de México. (<https://www.econstor.eu/bitstream/10419/251292/1/1786051419.pdf>) (Accessed 01.10.2024).

Lundberg S. The Added Worker Effect // *Journal of Labor Economics*. 1985. Vol. 3. № 1. P. 11–37. (<http://www.jstor.org/stable/2535048>) (Accessed 1.10.2024).

Maloney W.F. Informality Revisited // *World Development*. 2004. Vol. 32. № 7. P. 1159–1178. (<https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2004.01.008>)

Moghaddasi Kelishomi A., Nisticò R. Economic Sanctions and Informal Employment // *IZA Discussion Paper Series*. 2023. IZA DP № 16589. (<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4630807>)

Owolabia A.O., Berdiev A.N., Saunorisa J.W. Is the Shadow Economy Pro-cyclical or Countercyclical over the Business Cycle? International Evidence // *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2022. Vol. 84. P. 257–270. (<https://doi.org/10.1016/j.qref.2022.01.017>)

Packard T., Koettl J., Montenegro C. In *From the Shadows: Integrating Europe's Informal Labor*. Washington DC: World Bank, 2012. (<http://documents.worldbank.org/curated/en/458701468035954123/In-from-the-shadow-integrating-Europes-informal-labor>) (Accessed 01.10.2024).

Perry G.E., Maloney W.F., Arias O.S., Fajnzylber P., Mason A.D., Saavedra-Chanduvi J. *Informality: Exit and Exclusion*. Latin America and the Caribbean Studies Report, Washington, DC: The World Bank, 2007.

Slonimczyk F. *The Effect of Taxation on Informal Employment: Evidence from the Russian Flat Tax Reform* // HSE University Working Paper Series. 2011. № WP3/2011/05. M.: HSE.

Slonimczyk F., Gimpelson V.E. *Informality and Mobility: Evidence from Russian Panel Data* // *Economics of Transition and Institutional Change*. 2015. Vol. 23. № 2. P. 299–341. (<http://doi.org/10.1111/ecot.12064>)

Webb A., McQuaid R., Rand S. *Employment in the Informal Economy: Implications of the COVID-19 Pandemic* // *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2020. Vol. 40. № 9/10. P. 1005–1019. (<http://doi.org/10.1108/IJSSP-08-2020-0371>)

Informal Employment during Crises: Analysis of Labour Force Flows in the Russian Labour Market

Anna Zudina

National Research University Higher School of Economics,
11, Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russian Federation.
E-mail: azudina@hse.ru

This article for the first time addresses the issue of labour flows in the Russian labour market directed to and from the state of informal employment in 2007–2023, allowing to clarify the reaction of informal employment to the deterioration of the macroeconomic context of various types – global financial crisis in 2008–2010, the introduction of foreign sanctions in 2014 and 2022, as well as COVID-19 pandemic in 2020–2021. The results obtained indicate that informal workers do lose their jobs more often than formal workers during economic crises, but informality can also act as an important adjustment mechanism for Russian labour market. Neither the first “sanctions shock” of 2014–2015 nor the COVID-19 pandemic led to an increase in the rate of transition of informal workers to out of labour force state. The rates of transition from unemployment and out of labour force state to informal employment also fell much less in 2020 than corresponding flows from unemployment/out of labour force state to formal employment. At the same time, the second “sanctions shock” of 2022–2023 was accompanied by a reduction in the rates of transition to unemployment regardless of the type of previous employment, an increase in the rates of formal employment after unemployment, and a reduction in the rates of informal employment, which, apparently, reflects increased demand for labour from the corporate sector. The response of labour flows during the world financial crisis, on the contrary, demonstrates a significant reduction in the likelihood of employment in informal jobs. It corresponds with the findings of previous studies on the Russian labour market, which revealed significant drop in the hiring rates of informal workers in 2008–2010 in the non-tradable sectors of the economy.

Key words: informal employment; labour market; Russia; COVID-19; sanctions; world financial crisis; economic cycle.

JEL Classification: J46, E32.

* *
*

References

- Barsukova S.Yu. (2004) *Informal Employment: Economic Sociology Analysis*. Moscow: HSE. (in Russ.)
- Bosch M., Esteban-Pretel J. (2012) Job Creation and Job Destruction in the Presence of Informal Markets. *Journal of Development Economics*, 98, pp. 270–286. Available at: <http://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2011.08.004>
- Bosch M., Maloney W. (2008) *Cyclical Movements in Unemployment and Informality in Developing Countries*. IZA Discussion Paper Series, IZA DP no 3514. Available at: <https://docs.iza.org/dp3514.pdf> (Accessed 01.10.2024).
- Bosch M., Maloney W. (2010) Comparative Analysis of Labor Market Dynamics Using Markov Processes: An Application to Informality. *Labour Economics*, 17, 4, pp. 621–631. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2010.01.005>
- Colombo E., Menna L., Tirelli P. (2019) Informality and the Labor Market Effects of Financial Crises. *World Development*, 119, pp. 1–22. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.03.001>
- Fields G.S. (1990) Labour Market Modeling and the Urban Informal Sector: Theory and Evidence. *The Informal Sector Revisited* (eds. D. Turnham, B. Salomé, A. Schwarz). Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-Operation and Development, pp. 49–69.
- Fiess N.M., Fugazza M., Maloney W. (2006) *Informal Labor Markets and Macroeconomic Fluctuations*. University of Glasgow Working Papers. Working Paper 2006, 17. Business School – Economics, University of Glasgow. Available at: https://www.gla.ac.uk/media/Media_22188_smxx.pdf (Accessed 01.10.2024).
- Gimpelson V., Kapeliushnikov R. (2013a) To Live in the Shadows or to Die in the Light: Informality in the Russian Labor Market. *Voprosy Ekonomiki*, 11, pp. 65–88. (in Russ.) Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-11-65-88>
- Gimpelson V., Kapeliushnikov R. (2013) Is it Normal to be Informal? *HSE Economic Journal*, 17, 1, pp. 3–43. (in Russ.)
- Gimpelson V., Sharunina A. (2015) Flows in the Russian Labor Market: 2000–2012. *HSE Economic Journal*, 19, 3, pp. 313–348. (in Russ.)
- Gimpelson V., Voskoboinikov I. (2015) Productivity Growth, Structural Change and Informality: The Case of Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 11, pp. 30–61. (in Russ.) Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-30-61>
- Gimpelson V., Zudina A. (2011) Informal Workers in the Russian Economy: Who Are They and How Many? *Voprosy Ekonomiki*, 10, pp. 53–76. (in Russ.) Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-10-53-76>
- Hart K. (1973) Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. *The Journal of Modern African Studies*, 11, 1, pp. 61–89. Available at: <https://www.jstor.org/stable/159873> (Accessed 01.10.2024).
- Hazans M. (2011) *Informal Workers across Europe: Evidence from 30 Countries*. IZA Discussion Paper Series. IZA DP no 5871. Available at: <https://docs.iza.org/dp5871.pdf> (Accessed 01.10.2024).
- Hoehn-Velasco L., Silverio-Murillo A., Balmori de la Miyar J.R. (2021) The Long Downturn: The Impact of the Great Lockdown on Formal Employment. *Journal of Economics and Business*, 115. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jeconbus.2021.105983>
- Husmanns R. (2004) *Defining and Measuring Informal Employment*. International Labour Office Working Paper. Geneva.
- ILOstat. (2019) Persons Outside the Labour Force: How Inactive Are they Really? Delving into the Potential Labour Force with ILO Harmonized Estimates. *ILOstat Spotlight on Work Statistics*. no 8. Available at: <https://www.ilo.org/publications/persons-outside-labour-force-how-inactive-are-they-really-delving-potential> (Accessed 01.10.2024).

- Kapeliushnikov R. (2020) Explosive Growth in Unemployment: Fact or Fiction? *Ekons: Ekonomicheskiy Razgovor*, 4 August. (in Russ.) Available at: <https://econs.online/articles/opinions/vzryvnoy-rost-bezrabotitsy-pravda-ili-vymysel/> (Accessed 01.10.2024).
- Kapeliushnikov R.I. (2023) The Russian Labor Market: A Statistical Portrait on the Crises Background. *Voprosy Ekonomiki*, 8, pp. 5–37. Available at: <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37>
- Karimi Moughari Z. (2022) Iran Labour Market under the Sanctions. *International Journal of New Political Economy*, 3, 1, pp. 183–202. Available at: https://jep.sbu.ac.ir/article_102365_22c7c8158db91f1d59b0e5f49e492927.pdf (Accessed 01.10.2024).
- Laykam K.E. (2021) Russian Labour Market Amidst Coronavirus Pandemic. *Voprosy Statistiki*, 28, 5, pp. 49–57. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-5-49-57>
- Leyva G., Urrutia C. (2021) *Informal Labor Markets in Times of Pandemic: Evidence for Latin America and Policy Options*. Working Papers, no 2021-21. Banco de México, Ciudad de México. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/251292/1/1786051419.pdf> (Accessed 01.10.2024).
- Lundberg S. (1985) The Added Worker Effect. *Journal of Labor Economics*, 3, 1, pp. 11–37. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2535048> (Accessed 1.10.2024).
- Maloney W.F. (2004) Informality Revisited. *World Development*, 32, 7, pp. 1159–1178. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2004.01.008>
- Moghaddasi Kelishomi A., Nisticò R. (2023) *Economic Sanctions and Informal Employment*. IZA Discussion Paper Series, IZA DP no 16589. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4630807>
- Owolabia A.O., Berdievb A.N., Saunorisa J.W. (2022) Is the Shadow Economy Procyclical or Countercyclical over the Business Cycle? International Evidence. *The Quarterly Review of Economics and Finance*, 84, pp. 257–270. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.qref.2022.01.017>
- Packard T., Koettl J., Montenegro C. (2012) *In From the Shadows: Integrating Europe's Informal Labor*. Washington DC: World Bank. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/458701468035954123/In-from-the-shadow-integrating-Europes-informal-labor> (Accessed 01.10.2024).
- Perry G.E., Maloney W.F., Arias O.S., Fajnzylber P., Mason A.D., Saavedra-Chanduvi J. (2007) *Informality: Exit and Exclusion*. Latin America and the Caribbean Studies Report, Washington, DC: The World Bank.
- Sinyavskaya O.V., Maleva T.M., Popova D.O. (2004) *Informal Employment in Russia: Methodological Approaches and Empirical Estimates*. IISP Working Papers. (in Russ.)
- Sinyavskaya O.V. (2005) Informal Employment in Modern Russia: Estimation, Scale, Dynamics. *Economic Sociology*, 6, 2, pp. 12–28. (in Russ.)
- Slonimczyk F. (2011) *The Effect of Taxation on Informal Employment: Evidence from the Russian Flat Tax Reform*. HSE University Working Paper Series. no WP3/2011/05. Moscow: HSE.
- Slonimczyk F., Gimpelson V.E. (2015) Informality and Mobility: Evidence from Russian Panel Data. *Economics of Transition and Institutional Change*, 23, 2, pp. 299–341. Available at: <http://doi.org/10.1111/ecot.12064>
- UN (2020) *Policy Brief: Labour and COVID-19*. UN. (in Russ.) Available at: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_policy_brief_world_of_work_and_covid_19_russian.pdf (Accessed 01.10.2024).
- Varshavskaya E.Ya., Donova I.V. (2013) Informal Employment in the Corporate Sector. *Universe of Russia*, 22, 4, pp.148–173. (in Russ.)
- Webb A., McQuaid R., Rand S. (2020) Employment in the Informal Economy: Implications of the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 40, 9/10, pp. 1005–1019. Available at: <http://doi.org/10.1108/IJSSP-08-2020-0371>
- Zudina A. (2020) Are there NEETs in Russia? Trajectories of Entry and Exit. *Russian Labour Market through the Prism of Demography* (eds. V.E. Gimpelson, R.I. Kapeliushnikov). Moscow: HSE Publishing House, pp.245–292. (in Russ.)
- Zudina A. (2023) The Human Capital of Russian Informal Workers: A Non-Cognitive Skills Perspective. *Universe of Russia*, 32, 1, pp. 37–60 (in Russ.) Available at: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-37-60>